

Алексей Осипов, профессор Московской Духовной академии

Неприятный диагноз

Первый шаг к святости

Что нужно человеку для того, чтобы стать святым, и почему Церковь никогда не признавала и не сможет признать кого-либо «святым при жизни»? Эти вопросы являются краеугольными во всей христианской духовной жизни. Ответить на них согласился известный ученый-богослов, профессор Московской Духовной академии Алексей Ильич Осипов.

фото Владимира Ештокина

Как мы знаем из Евангелия, первым вошедшим в рай оказался разбойник, у которого, образно говоря, руки по локоть были в крови. Это удивительный факт, не имеющий аналогов ни в одной религии мира. По какой же причине он оказался спасенным?

Евангельский контекст говорит об этом вполне определенно: за осознание мерзости своей жизни, за глубокое ощущение, что он не достоин спасения, за искреннее покаянное обращение к Спасителю. Разбойник всем своим существом понимал и ни на йоту не сомневался, что он не может быть там, где будет висящий на Кресте рядом с ним Праведник. Отсюда его слова к Христу, исполненные удивительного для человека, находящегося в таких жутких страданиях, смирения: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое* (Лк 23:42). Не просьбы об избавлении от мук, не мольбы о жалости и снисхождении, а — помяни меня там, в Твоем Царстве, где я, конечно, никогда не буду. Вот что оказалось достаточным для спасения! Действительно, как говорится в Ветхозаветном псалме, *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит* (Пс 50:19).

Святая жизнь начинается с внимания к своей нравственной жизни, к своему внутреннему состоянию — стремлениям и чувствам своей души и их сопоставлением с заповедями Евангелия, с образом и поведением Самого Христа. Это сопоставление открывает человеку внутри его сердца целый мир — странный, ранее ему неведомый и часто не очень-то симпатичный.

С одной стороны, в нас присутствует глубокое чувство в том, что мы — добрые, умные, справедливые, честные... Одним словом — хорошие, праведные. Поэтому нам и в голову не приходит, что мы можем оказаться вне Царствия Божия. Пускай где-нибудь с краешку, в самом дальнем уголке, но, конечно же, мы будем там! Пусть не великими святыми, но все же — в Царствии Божиим. Ну как же, я ведь — верующий, православный, хожу в храм, исповедуюсь, причащаюсь... Я никого не убил, не обворовал, не изменял жене, не нарушал законов — а что же еще нужно-то? Право

Распятие Христа.

Нижнерейнский мастер, XV в.

слово — святой, да и только! Осталось лишь живьем канонизировать!

Однако, с другой стороны, внимательно присмотревшись к своим словам, желаниям, чувствам, отношениям к друзьям и недругам и сопоставив всё это с голосом совести, с учением Евангелия, мы начинаем видеть и нечто прямо противоположное. Оказывается, я не могу не осудить, не завидовать, не тщеславиться, не объедаться... И столько еще таких вот «не могу», что от моей «хороше-сти» ничего не остается. Даже когда делаю доброе дело, и то — оскверняю его тщеславием, расчетом и прочими нехорошими движениями души. Слушаю общую исповедь с огромным перечислением грехов и понимаю, что 99% в этом перечне — мое. То есть вижу, что ни в чем не соответствую Евангельским нормам жизни.

Можно ли стать при жизни святым? Отвечая на этот вопрос, нужно понимать, что святость — это причастность Духу Святому, которая в земных условиях колеблется, непостоянна, ибо неизменен только Бог. Она — не птичка, которую можно однажды поймать в клетку — и все в порядке. Нет, это постоянное наблюдение за своим «ветхим человеком», бодрствование сердца и трезвение ума, подобное той бдительности, в которой пребывают защитники осажденной крепости. И как халатность стражей нередко оборачивалась поражением войска, так и в истории христианства бывали случаи, когда подвижники, достигавшие явных благодатных даров прозорливости и чудотворения, но утратившие бдительность над своими мыслями и чувствами и в результате потерявшие видение своих внутренних врагов, прежде всего, мнения о своих высоких достижениях — духовно падали и даже погибали. Были и такие, которые так и не поднимались в своей святости выше чистоты детского уровня. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: святый Макарий Великий говорит, что «...встречаются души, соделавшиеся выше причащениями Божественной благодати... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном в отношении к

тому состоянию, которое требуется и доставляется истинным подвижничеством... В монастырях употребляется о таких преуспевших старцах изречение — свят, но не искусен, и наблюдает-ся осторожность в советах с ними».

Именно осознание своего бессилия искоренить в себе страсти, победить грех и рождающееся отсюда смирение являются началом и критерием правильной духовной жизни. Ибо только это, снимая розовые очки с глаз души и открывая

очень далекое от евангельской чистоты ее реальное состояние, делает человека способным възмыслить Спасителя, обратиться к Христу. Преподобный Петр Дамаскин сказал: «Первым признаком начинающегося здоровья души является видение грехов своих, бесчисленных как песок морской».

Необходимо повторить, что это лишь самое начало пути, ведущего к святости. Но без начала не может быть и продолжения. ■